

Глава 10. Свадьба и похороны в один день

— Скрип.

Когда они проходили мимо дома семьи Чэнь, за их спинами раздался пронзительный скрип открывающейся двери.

Юноша замер и обернулся.

Тяжёлая чёрная дверь дома Чэнь была приоткрыта, и из щели на них смотрела пара узких, злобных глаз. Взгляд был полон яда.

— Не смотри.

Се Чанси положил руку ему на шею, и его холодная ладонь медленно скользнула вверх, остановившись у щеки, мягко поворачивая его голову.

Линь Цисуй вздрогнул от ледяного прикосновения.

— Мы нашли те семь голов, она, должно быть, вне себя от ярости.

Линь Цисуй ничего не ответил.

— Но зачем Ван Сухэ эти бумажные изделия?

— Сегодня вечером свадьба у семьи Чэнь, там всё и узнаем.

Линь Цисуй кивнул и замолчал.

Когда они вернулись в мастерскую, уже совсем стемнело. Тяжёлые чёрные тучи нависли так низко, что, казалось, вот-вот коснутся земли. Небо прочертила молния, и без всякого предупреждения хлынул ливень.

Юноша стоял на пороге сгоревшей дотла мастерской и смотрел, как крупные капли дождя барабанят по земле.

— О чём задумался?

Се Чанси, незаметно появившийся за его спиной, похлопал его по плечу.

— Стемнело, пора закрываться.

Линь Цисуй посмотрел на две обугленные доски, оставшиеся от ворот.

«...»

Он коснулся почерневших створок, пытаясь их закрыть. Но не успел он этого сделать, как Се Чанси перехватил его запястье. Тонкое запястье юноши было почти прозрачным, и под тонкой кожей виднелись синие вены.

Се Чанси стряхнул с его руки сажу и повёл его в дом.

Линь Цисуй стоял посреди комнаты и смотрел, как тот, шевельнув пальцем, закрыл две обугленные створки.

— До часа Цзы ещё далеко, иди отдохни.

Тот кивнул и ушёл в восточную комнату.

В комнате было темно, а свечи зажигать было нельзя, так что он просто прилёг на кровать. Неизвестно, сколько прошло времени, но его разбудил тихий шорох снаружи.

Ресницы Линь Цисуя дрогнули, и он медленно открыл глаза. Вокруг была непроглядная тьма.

— Се Чанси? — тихо позвал он.

Никто не ответил. Линь Цисуй сидел немного в тишине.

Он встал с кровати, открыл дверь и вышел. Гостиная была освещена тусклым светом свечи. Комната была по-прежнему вся в саже, но Се Чанси нигде не было.

Оглядевшись, он вдруг заметил сбоку тёмную тень.

«Тень?»

Линь Цисуй вздрогнул и посмотрел на неё. Волосы у него на затылке встали дыбом.

Перед закрытыми, обугленными воротами, сгорбившись и опустив голову, сидел Линь Чанши, который должен был лежать в гробу. Спину Линь Цисуя прошиб холод, и он отступил на несколько шагов.

Труп, словно что-то почувствовав, вдруг повернул к нему голову.

— Хруст! Хруст!

Раздался скрежет суставов. Линь Чанши, вывернув шею под неестественным углом, уставился на Линь Цисуя своими тёмными, пустыми глазницами.

— Не...

Он произнёс странным, тонким, кошачьим голосом:

— Не-иди!

— Бам! Бам!

С улицы донёлся стук колотушки ночного стражника. Наступил час Цзы. Свадьба в доме Чэнь вот-вот должна была начаться.

Линь Цисуй сжал кулаки.

«Это существо преграждает путь... Как мне теперь выйти?»

— Мяу!

Внезапно раздался пронзительный кошачий визг.

Юноша вздрогнул и увидел, как чёрная кошка бабушки Чжан, выпустив когти, несётся прямо на него.

— А!

Он вскрикнул и, пошатнувшись, упал назад. Но вместо пола он упал в чьи-то холодные, но крепкие объятия.

— Проснись.

Знакомый голос позвал его у самого уха.

— Вонючий мальчишка, проснись.

— ...Фух!

Линь Цисуй резко открыл глаза и обнаружил, что он каким-то образом открыл дверь, вышел из лавки и теперь стоит посреди улицы. Снаружи бушевала непогода. Се Чанси стоял за его спиной, держа над ним зонт.

Его небесно-голубые одежды казались туманом, а на фарфорово-белом лице застыло отстранённое выражение. Чёрные, как смоль, волосы рассыпались по плечам, сливаясь с дождём.

Линь Цисуй смотрел на его холодный профиль, немного растерявшись.

Внезапно...

Пронзительные звуки похоронной музыки поплыли по пустынной улице. Мимо него проходила процессия в траурных одеждах, нёсшая гроб.

Знамя, призывающее душу, странно развевалось под дождём, словно его трепал невидимый ветер. Тяжёлый чёрный гроб давил на плечи носильщиков, заставляя их сгибаться и двигаться мелкими, шаркающими шагами.

Взгляд юноши невольно следовал за процессией, и он на мгновение потерял счёт времени.

— Очнись.

Се Чанси обнял его за плечи и отвёл на несколько шагов назад. Гроб как раз поравнялся с ними. Один из носильщиков оступись, гроб резко накренился, крышка съехала, и показалось мертвенно-бледное лицо.

— Он...

Губы Линь Цисуя дрожали. Это был тот самый юноша, которого он видел в морге!

— Разве... его не забрали родные?

— Возможно, хоронят только сегодня, — Се Чанси коснулся его лба. — Что с тобой? Вдруг выбежал из дома, я едва успел тебя остановить.

Холодное прикосновение привело Линь Цисуя в чувство. Он невольно прижался к Се Чанси.

— Я только что...

Он хотел было рассказать о том, что видел, но, подняв глаза, заметил высоко подвешенные красные фонари у дома семьи Чэнь, которые больно резанули по глазам.

Несколько музыкантов с красными лентами на поясах, смеясь и веселясь, играли на трубах и били в барабаны. На улице — душераздирающая похоронная музыка, процессия в белых одеждах, скорбно идущая под дождём; в переулке напротив — громкая музыка, смех и веселье.

Юноша смотрел на это жуткое зрелище, и холод пробежал у него по спине.

— Я только что очнулся и не нашёл тебя. Вышел, а там... труп Линь Чанши сидит у ворот.

Линь Цисуй произнёс:

— И он сказал: «Не иди».

— Хм... — Се Чанси потёр подбородок. — Похоже, он пытался тебя остановить.

Тот кивнул.

«Но почему я всё равно вышел на улицу?»

— После смерти человека его навязчивые мысли не исчезают, они остаются с душой, либо из-за незаконченных дел, либо из-за тех, кто был дорог.

Се Чанси добавил:

— Но призраки бывают разные по силе. Он сделал всё, что мог.

Линь Цисуй промолчал. Он вспомнил о кошачьей миске в своей лавке и задумался.

— Бам! Бам! Бам!

Сквозь весёлую музыку пробился стук колотушки ночного стражника. Наступил час Цзы.

Видя, что юноша всё ещё смотрит на дом семьи Чэнь, Се Чанси помахал у него перед лицом рукой.

— Время пришло, идём?

Но Линь Цисуй не двигался. Дождь безжалостно барабанил по синему бумажному зонту, стекая с него плотной завесой, за которой дом семьи Чэнь виднелся смутно.

— Гости уже там, — сказал Линь Цисуй.

Се Чанси поднял глаза и увидел, что пустой до этого переулок вдруг заполнился толпой. Это были тёмные силуэты без лиц, без черт, без фигур, которые, толкаясь, протискивались в тёмные ворота дома Чэнь.

— Пойдём.

Линь Цисуй глубоко вздохнул и шагнул в переулок. Се Чанси отвёл взгляд и, держа зонт, последовал за ним.

<http://bllate.org/book/13453/1664234>